

Окончание 1-го лица множественного числа прошедшего длительного времени в западном говоре *-omišt*, в восточном — *-imišt*: *awénomišt* - *awénimišt* 'мы видели'.

В восточном говоре к личным глагольным формам часто присоединяется суффиксальное неударное *-i*: *hámma harft ġirivomišti* 'я знаю все буквы'; *firónta žútay posilká kunomišti* 'завтра я пошлю сыну посылку'; *Rówut šáwomišti* 'я иду в Ровут'; *nisól peštár ašáwimišti t yókay čūrūnī* 'например, раньше ходили куда-нибудь пастушествовать'; *parrū avóšti, dyd návoti* 'ложились лицом вниз, чтобы не было дыма в лицо'.

В западном говоре это наблюдается лишь при глаголе бытия в форме 3-го лица единственного числа (*ásti*).

Еще одним различительным грамматическим признаком является то, что в западном говоре для выражения сходства, подобия употребляются послелог *-mánta//yow*, в восточном — послелог *-méta* (§§ 170-171).

Между западным и восточным говорами имеются также и некоторые различия в лексике:

Западный говор		Восточный говор
<i>kusél-</i>	'посылать'	<i>fišóm-//kusél-</i>
<i>tiráš-</i>	'падать'	<i>divi-</i>
<i>réza kun-</i>	'размельчать'	<i>rezgi kun-</i>
<i>zočaxóy-</i>	'дойная корова'	<i>začxóy</i>
<i>rūn-</i>	'ягненок'	<i>rūnak</i>
<i>ġarápp-</i>	'ложиться спать'	<i>ġaráfs-</i>

Западный говор распространен в селениях Бидев, Марх-тимайн, Муштиф, Шахсара, Вагинзой, Шовета и Думзой, восточный — в селениях Дехбаланд, Пискон, Гармен и частично в селении Сокан.

В остальных ягнобоязычных селениях говорят на переходных говорах. Эти переходные говоры неоднородны: степень смешения признаков восточного и западного говоров в них различна.

Говор кишлака Хисокидарв по всем признакам примыкает к западному говору, но отличается от него наличием в глаголах 3-го лица единственного числа настояще-будущего времени окончания *-či* и отсутствием послелога *-yow*.

Говор селений Чукат, Каши, Пулларовут, Ровут характеризуется совокупностью следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt, -ot*), *-i-* (*piráxs, dirót*), *xep*;

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáučī*), *-im* (*avówim, aġórim*), *-imišt* (*avówimišt, aġórimišt*), *-méta*;

в лексике: *tiráš-// divi-, kusél-*.

Говор селения Питип отличается от говора указанной группы селений только употреблением слова со значением 'три' в форме *saráy*.

Для говора селений Куля (Симич, Кули-Дахана, Кули-Миёна, Кули-Боло) и части селения Сокан характерна совокупность следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt*), *-i-// -a-* (*piráxs// paráxs, dirót // darót*), *xep*; *saráy* 'три';

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáučī*), *-im* (*ašáwim, aġórim*), *-imišt* (*ašáwimišt, aġórimišt*), *-méta*;

в лексике: *kusel-, tiras-*.

Селение Чомиткон отличается тем, что в нем наблюдается наличие двух разновидностей говоров: с одной стороны, типа говора селения Хисокидарв, с другой — типа говора селения Чукат.

Говор селений Куктепа, Зуманд, Гароб по всем характерным особенностям примыкает к говору селения Хисокидарв.

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ЯГНОБЦЫ

Все исследователи ягнобского языка отмечают, что ягнобцы двуязычны: помимо родного языка они владеют еще таджикским. Однако сведения о характере двуязычия ягнобцев у разных авторов несколько различны.

Г.Э. Юнкер сообщает о том, что ему редко встречались ягнобцы, владевшие только родным языком¹¹⁵.

Ч.Г. Маллицкий писал: «Все ягнобцы — мужчины говорят также и по-таджикски, а некоторые еще и по-тюркски, и только часть женщин и детей, как я слышал, не понимают другого языка, кроме ягнобского»¹¹⁶.

По наблюдениям Л.В. Ошанина, большинство мужского населения говорило по-таджикски, что же касается женщин, то в большинстве случаев они знали только ягнобский язык¹¹⁷.

«Ягнобцы двуязычны и владеют таджикским языком как вторым родным», — отмечает М.Н. Боголюбов¹¹⁸.

«Все говорящее по-ягнобски население (в том числе и дети дошкольного возраста) двуязычно, оно свободно владеет и таджикским языком», — подчеркивает В.А. Лившиц¹¹⁹.

Ягнобский язык интересовал исследователей прежде всего как новосогдийский, продолжающий один из диалектов исчезнувшего согдийского языка. Отсюда вполне понятно, что проблема двуязычия ягнобцев не была в центре внимания и никаких конкретных специальных исследований в этом направлении не проводилось.

В данном разделе делается попытка исследовать некоторые вопросы двуязычия ягнобцев и взаимодействия ягнобского и таджикского языков в социолого-лингвистическом плане¹²⁰.

Процесс развития двуязычия ягнобцев имеет два коренным образом отличающихся этапа: дореволюционный период и период после Великой Октябрьской социалистической революции.

Как известно, ягнобский язык продолжает один из диалектов согдийского языка, и в этом плане мы вправе называть его новосогдийским¹²¹.

Основной территорией распространения согдийского языка были долины Зеравшана и Кашка-Дарьи. На согдийском языке говорили также жители Усрушаны, или Уструшаны (область между Самаркандом и Ходжендом), часть населения Ферганской долины и Чача (современный Ташкент). Вероятно, уже в VII в. согдийский уступил часть своей территории таджикскому и тюркскому языкам. После арабского завоевания процесс поглощения и вытеснения согдийского языка усиливается. В IX-X вв. большая часть населения городов Средней Азии уже перешла на таджикскую речь. Однако в сельских местностях согдийский язык в это время еще сохранялся. В горных же областях по верхнему Зерав-

шану согдийская речь сохранялась и много позднее, примерно до XIII-XIV вв.¹²².

Исследованиями советских историков доказано, что таджики верховьев Зеравшана могут в какой-то мере считаться прямыми потомками живших там древних согдийцев и что изолированность этого края в силу его географического положения обусловила почти неизменность этнического состава населения¹²³.

Это подтверждается и тем, что в верховьях Зеравшана, в долинах Фандарьи и Ягноба до сих пор сохраняется масса топонимов и микротопонимов согдийского происхождения, а также значительный процент субстратной лексики¹²⁴.

Процесс вытеснения согдийских диалектов диалектами таджикского языка, очевидно, был направлен с запада на восток вдоль долины р. Зеравшан, по ее боковым притокам. Смене языка должно было предшествовать массовое двуязычие. То, что вытеснение согдийского языка шло именно с запада, подтверждает топонимия: в верхнем Фальгаре, Матче и в районе Такфона сохранилось значительно больше согдийских топонимов, чем в нижнем Фальгаре и в районах вокруг Пенджикента.

Сохранение ягнобского языка свидетельствует о том, что окончательного вытеснения согдийских диалектов так и не произошло. К 1870 г., ко времени обнаружения ягнобского языка первыми исследователями, границы его распространения были примерно те же, что и в настоящее время.

Трудно определить точно, когда именно могла произойти смена языка в ряде теперь уже таджикоязычных селений Ягноба, в Анзобе и Такфоне. По-видимому, это случилось не раньше XVII-XVIII вв. Правомерность такой гипотезы подкрепляется следующими фактами.

Переселение ягнобоязычного населения, позднее утратившего родную речь, в район северного склона Туркестанского хребта имело место примерно в XVI-XVII вв.¹²⁵. По рассказам жителей селения Зорсовут, эти переселенцы были выходцами из селения Пушойтамен, расположенного на левом берегу р. Ягноб, примерно в трех километрах западнее селения Зорсовут.

В «Дневнике Искандеркульской экспедиции» и в других материалах по Ягнобу Пушойтамен не упоминается, из чего можно заключить, что к 1870 г. его уже не было¹²⁶.

Ягнобцы, проживающие в долине р. Варзоб, сохранили в памяти названия тех селений, из которых в свое время переселились их предки. Называется, в частности, и селение Ворсовут. В селении Зуманд имеется даже квартал Ворсовут. По сведениям же М.С. Андреева, переселение ягнобцев в долину Варзоба произошло также в XVI-XVII вв.¹²⁷

Таким образом, селения Ворсовут, Пушойтамен, а также Фарков (теперь заброшенное) и, вероятно, Хишортоб были в то время еще ягнобоязычными.

Микротопонимия Анзоба и Такфона в значительной степени ягнобоязычного происхождения. Даже просто поверхностное сравнение ее с микротопонимией Ягноба заставляет думать о том, что смена языка произошла здесь относительно недавно.

Достаточно привести в качестве примера следующий список топонимов и микротопонимов:

Анзоб — Такфон	Ягноб
Мунихок, Пишхок, Зойхок, Шурахок, Занчухок, Сотхок	Гоутихок, Ноутихок, Гажлазхок, Синтамихок, Ванхок, Кабутхок (хок 'источник')
Ворикзой, Хикмазой, Пишорзой	Думзой, Гарзой, Ализой, Ворзой, Хонзой, Гурзой (зой 'пахотная земля')
Латхара (название участка местности в окрестностях селения Ремонд) Чугар, Хозагар	Латхара (название селения)
	Шоугар, Логар, Пойнагар, Сафедгар (гар 'гора')
Потухон	Гулахон, Новахон, Тупхон, Каттахон (хон 'летовка')

Симич (название ущелья в
окрестностях Такфона)
Зисканта, Гурканта

Симич (название селения)
Ванканта, Чуанканта
(-канта < канта, прич. прош.
вр. глагола кан 'копать',
'рыть')
Заннут, Ноунут

Роинута

Вытеснение ягнобского языка таджикскими говорами было направлено не только с запада на восток, но и с востока на запад.

В таджикоязычном селении Кирйонти некоторые кварталы до сих пор сохраняют ягнобские названия: Читирмен, Новазой, Зани.

Микротопонимия селений Канси, Кирйонти, Дехкалон, Навобод в значительной степени состоит из ягнобских топонимов (Чуккихон, Гулхон, Пастихон, Хадварахон, Аспихок, Часхок, Шурахок, Шахок, Чулут, Унзут, Махти, Човизой и т.д.)

Более того, ягнобские топонимы и микротопонимы встречаются в верхнем Рамите (на южных склонах Гиссарского хребта), по соседству с верхним Ягнобом: Гаразой, Хобти, Курутисой, Гушрута, Хоктагар, Мастурихон, Лисоти, Гарипот, Дапти панчхутан¹²⁸.

Следовательно, можно предположить наличие там в свое время ягнобоязычного населения.

Таджикские говоры верхнего Ягноба и верхнего Рамита очень сходны. Между таджиками верхнего Ягноба и Рамита существовали и существуют до сих пор тесные связи, в том числе и родственные. Оживленные связи имели место и между жителями верхнего Ягноба и Матчи, где таджикский язык победил значительно раньше.

Основываясь на вышеизложенных фактах, можно выдвинуть гипотезу о проникновении таджикских говоров в верхний Ягноб из Рамита (главным образом) и Матчи.

Чем же объяснить столь длительный, фактически так и не завершившийся процесс вытеснения согдийских диалектов таджикскими в районах верховьев Зеравшана и особенно в долинах Фандарьи и Ягноба? ✓

Существенную роль в этом сыграл, несомненно, географический фактор, оказавший влияние на развитие экономических и социальных условий в этих районах. Относительная изолированность труднодоступных высокогорных долин (в особенности долины р. Ягноб) задерживала процесс поглощения диалектов согдийского языка таджикскими.

Тем не менее процесс поглощения ягнобского языка таджикским в дореволюционный период происходил довольно интенсивно. Ягноб, несмотря на свою относительную труднодоступность и изолированность, экономически зависел от соседних районов и крупных среднеазиатских городов.

Торговыми пунктами для Ягноба были в основном Гиссар и Каратегин, а также Пенджикент, Самарканд и Ура-Тюбе, где говорили по-таджикски и по-узбекски. Чтобы попасть туда, необходимо было пройти через местности со сплошным таджикским населением. Ежегодно поздней осенью значительная часть мужского населения Ягноба уходила на заработки в крупные города, где оставалась до начала весенних полевых работ.

У ягнобцев и таджиков соседних с ними кишлаков были общие летовки (например, летовка Кули Зорсвут для западноягнобских селений и таджикоязычного селения Ворсвут), а также общие выгоны для скота. Наконец, между некоторыми ягнобскими и таджикскими семьями существовали родственные связи. По всей вероятности, эти связи имели давний характер и восходили к тому периоду, когда эти таджики были еще «ягнобцами». Смешанные браки в Ягнобе заключались сравнительно редко (как, впрочем, и сейчас). Ягнобцев и таджиков объединяли почти одинаковый образ жизни и общая религия — ислам суннитского толка. Хотя Ягноб и представлял собой отдельное бекство, он всегда находился под властью более сильных соседей, а с начала XIX в. вошел в состав Бухарского эмирата¹²⁹. Беки Ягноба, как правило, были выходцами из таджикоязычных селений.

При таких условиях хорошее владение таджикским языком для ягнобцев было необходимостью. И все же двуязычие в Ягнобе было частичным и неполным¹³⁰. Роль основ-

ного средства общения внутри ягнобской общины выполнял родной язык, на что указывали Н.Г. Маллицкий и Л.В. Ошанин.

То же самое относилось и к детям дошкольного возраста. Очевидно, и среди взрослого мужского населения встречались люди, плохо владевшие таджикским языком. Во всяком случае на это косвенно указывают Г. Юнкер и Л.В. Ошанин (см. выше).

Несмотря на многовековое тесное сосуществование ягнобцев и таджиков, между ними наблюдалась некоторая отчужденность, находившая отражение, в частности, в насмешливом и пренебрежительном отношении таджиков к ягнобцам. Так, например, верхнеягнобские таджики иронически называли ягнобцев *ĵaxák* «попрыгун» (от глагола *ĵax* «прыгать», «вскакивать», который очень часто употребляется в ягнобской речи вместе с другими глаголами, выражая побуждение к действию).

В условиях сплошной неграмотности ягнобцы имели возможность сталкиваться только с диалектной таджикской речью. В основном это была речь непосредственного таджикского окружения, хотя нельзя не учитывать и влияния городских говоров через отходников. Литературной формой таджикского языка ягнобцы (за исключением отдельных лиц) не владели, тем более, что литературный таджикский язык того времени был оторван от речи таджикских масс.

Отдельные отходники знали узбекский язык. К сожалению, мы не располагаем данными о том, понимали ли они также и по-русски.

Отношения ягнобского и таджикского языков были отношениями языка побеждаемого и языка-победителя. Первые исследователи застали ягнобский язык в таком состоянии, когда таджикские элементы не только во множестве проникли в область его лексики, вытеснив исконно ягнобские (согдийские) слова, но заметно потрясли и грамматические устои (как в сфере синтаксиса, так и до некоторой степени в сфере морфологии).

Двуязычие ягнобцев, постепенное сужение территории распространения ягнобского языка, его подверженность

сильному влиянию таджикского языка. дали основание Н.Г.Маллицкому сделать вывод, что это язык «вымирающий» и, вероятно, недалеко то время, когда он «исчезнет без следа», ¹³¹.

То же самое еще ранее отмечал Бонвало:

«Что касается языка ягнобцев, то можно сказать, что он скоро исчезнет, так же, как оригинальный антропологический тип, так как ягнобцы все более смешиваются с окружающим их таджикским населением», ¹³².

Зеликая Октябрьская социалистическая революция произвела коренные изменения в социальной, экономической и культурной жизни народов СССР. Все это сильно отразилось на функционировании и развитии языков советских народов ¹³³. Социализм ознаменовал новый этап в истории взаимодействия и взаимовлияния языков ¹³⁴, изменились и отношения ягнобского и таджикского языков. Организация колхозов, где ягнобцы и таджики трудятся вместе, равноправие и дружба всех народов Советского Союза, строительство путей сообщения, связывающих высокогорный район Ягноба с экономическими и культурными центрами, широкая организация средних школ с обучением на таджикском языке, развитие системы высшего образования в республике, равноправие женщин, широкое распространение печати и радио на таджикском языке — все это способствовало и продолжает способствовать этническому сближению ягнобцев и таджиков, а следовательно, и более тесному взаимодействию их языков. Процессы двуязычия и влияния таджикского языка на ягнобский протекают более интенсивно, чем в дореволюционный период. Сейчас в Ягнобе редко встречается человек, не знающий или, по крайней мере, не понимающий таджикского языка.

Процессу интенсивного взаимодействия обоих языков способствует и массовое переселение ягнобцев в г. Душанбе и селения Гиссарской долины, где ягнобцы проживают рядом с таджиками, узбеками и русскими. Речь переселенцев еще больше насыщена лексическими заимствованиями из таджикского, но в фонетике и грамматике заметной раз-

ницы между речью переселенцев и речью жителей долины р. Ягноб пока не наблюдается.

Теперь ягнобцы, сталкиваясь не только с диалектной речью таджиков, но и с литературным таджикским языком, овладевают различными формами таджикского языка. Можно с уверенностью утверждать, что ягнобцы вступили в стадию массового абсолютного двуязычия.

Появилась возможность говорить и о влиянии литературного таджикского языка на ягнобский, что опять-таки ярче всего проявляется в лексике. Через посредство таджикского языка словарный состав языка ягнобцев обогатился заимствованиями из русского языка, относящимися к областям общественно-политической жизни, техники, культуры, а также к названиям предметов культурного быта. О непосредственном влиянии русского языка на ягнобский говорить пока нельзя, хотя многие ягнобцы, живущие в Душанбе, а также те, кто служил в армии, владеют в той или иной степени русским языком и зачастую употребляют в родной речи отдельные русские слова и выражения (§ 276).

Итак, ягнобский язык испытывает активное влияние таджикского языка, более активное, чем в дореволюционный период. Значит ли это, что «дни его сочтены»? Думается, что нет. Прошло более ста лет со времени обнаружения ягнобского языка. Как отмечалось, уже некоторые из первых исследователей предсказывали его скорую гибель, а он живет и по сей день.

В наше время сохранению ягнобского языка способствует не столько географический, сколько социальный фактор — равноправный и дружественный характер взаимоотношений таджиков, ягнобцев и русских.

Несмотря на быстрый процесс этнического слияния ягнобцев и таджиков, ягнобскому языку суждено еще сравнительно долгое существование в качестве языка, выполняющего минимальные общественные функции ¹³⁵.

В процессе взаимодействия ягнобского и таджикского языков возникает интерференция ¹³⁶, суть которой состоит в том, что в ягнобской речи появляются не свойственные ей

элементы, возникшие в результате влияния таджикского языка. Различают две фазы интерференции¹³⁷. Примером первой фазы интерференции служит употребление некоторых таджикских предлогов в речи отдельных носителей языка (см. § 161). Вторая фаза — это проникновение таджикских элементов в сферу языка, употребление их как нормативных. О различии этих двух фаз очень образно написал У. Вайнрайх: «В речи интерференция подобна песку, который несет с собой поток; в языке это абсорбированный песок, осевший на дне озера»¹³⁸. Ниже будут рассмотрены факты второй фазы интерференции, той, которая наблюдается в структуре ягнобского языка.

Поскольку мы не имеем полного представления о том согдийском диалекте, продолжением которого явился язык ягнобцев, трудно проследить весь процесс взаимодействия ягнобского и таджикского языков. Имеется, однако, возможность путем сопоставления материала ягнобского и согдийского языков выявить отдельные результаты их длительного контакта, конечно, исключая при этом ягнобско-согдийские диалектологические различия и некоторые особенности письменного согдийского языка (например, особенности, обусловленные влиянием языка оригинала на согдийский перевод религиозных текстов)¹³⁹.

Наибольшее влияние таджикский язык оказывает в области лексики (см. § 273-274). Основная тенденция развития лексики ягнобского языка — это прямое заимствование таджикских слов, вытесняющих ягнобскую лексику.

Активно заимствуются не только слова, но и целые словосочетания (обычно устойчивые), в том числе изафетные и предложные: *yak bulda non* 'кусок хлеба'; *dam ba dam* 'время от времени'; *kyn dar kyn* 'один за другим'; *du sum pul* 'два рубля денег'; *jufti gow* 'упряжка волов'. Эти словосочетания воспринимаются как отдельные лексические единицы и могут быть морфологически оформлены: *čof jufti gowi ast?* — *tufór, tufór jufti gowi ast* 'сколько упряжек волов имеется? — четыре, четыре упряжки волов имеется'; *soatóyi čórti* 'часа в четыре'.

Грамматическая интерференция наблюдается как в синтаксисе, так и в морфологии. Существует три основных типа грамматической интерференции¹⁴⁰:

1) использование морфем таджикского языка в ягнобском;

2) заимствование грамматических функций морфем таджикского языка морфемами ягнобского языка или игнорирование тех функций, которые не имеют прототипа в таджикском языке;

3) расширение или сужение функций морфем ягнобского языка по грамматической модели таджикского языка (благодаря идентификации некоторых ягнобских морфем с таджикскими).

Первый тип грамматической интерференции особенно ярко проявляется в предложно-последложной системе ягнобского языка и в сфере союзов.

Предлог *be* (§ 156), заимствованный из таджикского, уже давно вытеснил исконно ягнобский союз *pu* /согд. (*) *pw*/¹⁴¹

В согдийском языке предельность в пространстве и времени выражалась либо сочетанием предлога *kw* (согд.-будд. *'kw* и *k'w*) с послелогом *prn*, либо только послелогом *prn*: *čnn sr' kw p'δ prn* 'с головы до ног' (TSP, 2,349); *kw knδgr prn* 'до ворот города' (TSP, 13,2); *βr'k kw žwyrny prn* 'ночью до восхода солнца' (TSP, 17,4); *βy 'ryy prn* 'до вечера' (Tales, M 135 R, 31). В ягнобском вместо *kw... prn* употребляется предлог *to//ta*, заимствованный из таджикского, в сочетании с послелогам *-sa* или *-pi* (§ 157).

Исконно ягнобским и согдийским послелогам противостоят послелоги таджикского происхождения (*-táki*, *-sári*, *-darūni*, *-xotír*, *-báxša*, *-rángi*, *-kúni*, *-lári*, *-rúgah*, *-biqini*, *-qabáti*). Одни из них полностью вытеснили собственные послелоги (ср. ягн. *-táki* — согд. *čδr*, ягн. *sári* — согд. *swpr*), другие сосуществуют с ними, но занимают более сильную позицию (§ 205). Думается, что судьба таких послелогов, как *-čintir* (согд.-будд. *cntr*, *cyntr*, согд.-ман. *cndr*, *cyndr*) и *-piyóra* (согд. *pyδ'r*) также предрешена: в ближайшее время

они исчезнут, окончательно уступив место послелогам-синонимам *-darūni*, *-bāxša*, *-xotir* (§ 205).

В сфере союзов (§§ 208-221) морфемы таджикского происхождения большей частью вытеснили собственные или ограничили их функции (ср. союзы *-u* и *-at*). В этом можно убедиться, сопоставив ягнобские союзы с согдийскими: ср., например, ягн. *yo* 'или' — согд.-буд. *β'* (*fa*), ягн. *néki* 'но' — согд. *pyšt*, *β'w*, *yw'r*, ягн. *agár* 'если' — согд. *kδ* (*kaδ*)¹⁴².

Ягнобский язык усвоил таджикские словообразовательные суффиксы *-akí* (§ 287), *-on* (§ 295) и суффикс *-gi*, образующий причастия прошедшего времени по типу аналогичных таджикских причастий (§ 116). В целом, однако, таджикские словообразовательные элементы занимают скромное место в структуре ягнобского языка, ибо предпочтение отдается лексическим заимствованиям.

Значительный процент заимствований отмечается среди частиц и модальных слов (§§ 222, 225).

Второй и третий типы грамматической интерференции хорошо прослеживаются в сфере ягнобского глагола. Система согдийского глагола отличалась разветвленной сетью личных форм, выражавших самые тончайшие временные и модальные оттенки. В противоположность западноиранскому языковому типу согдийский язык представлял собой ярко выраженный глагольный язык (*eine ausgesprochen verböse Sprache*)¹⁴³.

Можно предполагать, что таковым был и диалект, легший в основу ягнобского. В результате контакта с таджикским языком согдийско-ягнобская глагольная система постепенно перестраивалась, приспособляясь к глагольной системе западноиранского типа. Исчезли формы, не имевшие прототипа в таджикском, но зато возникли новые, построенные по моделям таджикского глагола. К последним относятся:

1) формы преждепрошедшего перфекта, развившиеся под влиянием преждепрошедшего перфекта таджикского языка (§ 102);

2) формы прошедшего времени сослагательного наклонения, развившиеся под влиянием форм прошедшего времени сослагательного наклонения таджикского языка (§§ 111-114).

Значение причастия настоящего-будущего времени, отмеченное в § 127, возникло, очевидно, под влиянием одного из значений форм длительного преждепрошедшего перфекта, употребляющихся в ряде северных таджикских говоров¹⁴⁴.

Для выражения действия определенного момента ягнобский язык создал инфинитивную конструкцию (§§ 134-137), прообразом которой явились диалектные таджикские формы, состоящие из инфинитива и спрягаемых форм глагола *doštan* 'иметь' (*raftan dorad* 'он идет', *raftan došt* 'он шел в тот момент').

Моделирование по таджикскому образцу — широко распространенное явление в области словообразования и особенно синтаксиса. По таджикской модели построено копулятивное словосложение типа *žūta-rūta* (§ 282). Многие ягнобские синтаксические конструкции являются буквально слепками соответствующих таджикских конструкций. Это, например, предикативные обороты с модальными словами *žáyt*, *bóyad*, *zóro*, *magám* (§§ 106, 139), а также с глаголом *ton-* 'мочь'. В дальнейшем, очевидно, сочетание инфинитива с глаголом *ton-* (§ 139) постепенно вытеснит ягнобский потенциалис (§ 121).

В фонетике к числу заимствований относится наличие в ягнобском верхнефарингальных согласных (§ 11) и переход в ряде слов *o > ū* перед *m* и *n* (§ 6).

В речи некоторых ягнобцев наблюдается стирание фонологической значимости долготы в вокализме, превращающейся под влиянием таджикского языка в функцию ударения¹⁴⁵.

Итак, конкретное исследование влияния таджикского языка на ягнобский показывает, что, как бы ни велика была интерференция, говорить о каком-то «исчезновении» языка пока нет никаких оснований, тем более, что сфера ягнобской морфологии в общем-то оказывается труднопроницаемой для таджикских морфем.

Ягнобцы легко переходят с родной речи на таджикскую, но при этом темп речи некоторых из них несколько замед-

ляется, что, вероятно, свидетельствует о несовершенном владении ими таджикским языком.

По фонетическим и грамматическим свойствам таджикская речь ягнобцев вместе с окружающими таджикскими говорами близка к верхнефальгарским и нижнематчинским говорам¹⁴⁶, однако имеет также ряд отличительных особенностей. Во время разговора на таджикском языке отдельные ягнобцы допускают отклонения от норм таджикского языка. В собранных нами материалах встретились следующие случаи таких отклонений:

1) под влиянием ягнобского глагольного окончания 1-го лица множественного числа *-im* (§ 103) окончание 1-го лица множественного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения произносится как *-im* вместо обычного *-em*: *raftá Márxtimayn ba tamošo kunim* 'пойдемте посмотрим в Мархтимайне'; *hdmu-am lažat kunim, xúdaš maydá šudá méravat* 'так вот тоже ударим ногой, сам развалится';

2) по аналогии с энклитическими местоимениями единственного числа ягнобского языка таджикские местоименные энклитики 1-го и 3-его лица единственного числа произносятся как *-im*, *-iš*: *zūr-im nárasad* 'пожалуй, у меня не хватит силы'; *bač-iš-am raft-ku oxi hamín rüz* 'ее сын тоже ведь сегодня уехал'; *man yákt-iš-a ponzdáh rüz peš giriftam* 'я взял одну пятнадцать дней назад';

3) употребление форм изъявительного наклонения вместо сослагательного в сочетаниях с модальным словом *tumkín* (см. § 113): *hamín waxt tumkín Dýmzoj raft* 'в это время он, наверное, ушел в Думзой' (вместо *raftá bošád*);

4) употребление ягнобского союза *-k* в условном придаточном предложении (вместо таджикского союза *agar*): *ná-k-tūnat furūxtán?* 'а если он не позволит продавать?';

5) нарушение согласования в числе: *monéd, in odamó čoy méxūrat* 'оставьте, эти люди пьют чай'; *vayhó ās namérvad* 'они вообще не пойдут';

6) употребление созданного экспромтом предлога *a peš* вместо имеющегося в таджикском *peš az* 'до': *a peš inqilór haft xūjaǵi bǵd hamí boló-ba* 'до революции там наверху было семь хозяйств'.

Иногда в таджикской речи ягнобцев встречаются вставки отдельных ягнобских слов и словосочетаний: *Nurmahmát, čoy hast, dam kun rayíšt-xotír* 'Нурмахмад, чай есть, завари председателю'; *a Nómithon ūrū avésom mégūt* 'мы спустились по ту сторону Номиткона, — говорит он'; *iīs, aīsoná-ra žūš dor* 'заходи, послушай сказку'; *mána in kas sapsim yaǵnobi náǵitivošt* 'вот этот человек совсем не знает ягнобского'; *vay šax čúkka bǵd* 'он стоял прямо'; *řav, a xok ob biyor* 'пойди, принеси воды из источника' (ягн. *xok* — тадж. *čašmá*).

Ягнобско-согдийские диалектные отношения

Проблема согдийских диалектов давно находится в центре внимания иранистов¹⁴⁷. Наиболее тщательно она была изучена одним из лучших знатоков согдийского языка проф. В.Б. Хеннингом¹⁴⁸. Его точка зрения сводится к следующему.

Взаимоотношения различных форм согдийского языка пока еще недостаточно исследованы. До сих пор собственно неясно, насколько правомерно вообще говорить о диалектах этого языка. Если исключить дифференции, обусловленные разновидностями письма и орфографическими системами, то возникает вопрос, действительно ли остальные отличительные черты базируются на диалектных различиях. Они ведь могут отражать иную ступень в развитии одного и того же диалекта или же возникнуть в результате относительно изолированного положения группы говорящих внутри общества. Именно социологический фактор не следует упускать из виду при исследовании манихейско-согдийского и христианско-согдийского, где речь идет о религиозных общинах со сравнительно небольшим числом членов, которые в силу исторических причин образовали «замкнутые общества», а это являлось, в свою очередь, хорошей почвой для возникновения языковых особенностей, а также для сохранения некоторых древних черт (ср., например, еврейско-персидский).

В области фонетики существенных различий до сих пор обнаружено не было. Например, христианско-согдийские формы *mc'(ma(c)ca)* и *ms'(ma(s)sa)* 'сюда' в противоположность